

«Тому формування адекватного європейського законодавства з урахуванням своїх українських особливостей і спрямування соціальної енергії етносів у конструктивне русло розбудови держави можливо завдяки створенню умов для реалізації усіма громадянами своїх політичних, соціально-економічних прав і свобод. Закладаючи основи правової бази етнопонаціональної політики, Україна підписала майже усі міжнародні документи з цих питань. Хоча сьогодні законодавча база не має чіткого механізму її реалізації.

Незважаючи на досить безконфліктний стан відносин між різними етносами в Україні, формування дієвої системи толерантних стосунків у міжетнічній взаємодії потребує постійної уваги з боку державних структур і громадськості для своєчасного прогнозування і виявлення потенційно конфліктних ситуацій» [5, с. 155].

Недопустимість політизації вимог національних меншин (особливо в період виборчих компаній), а також створення сприятливих умов для розвитку культурної самобутності цих національних меншин є чи не єдиною можливістю запобігти подальшій дестабілізації ситуації в державі, зменшенню інвестиційної привабливості України та погіршенню загального економічного становища. Особливо це стосується прихованих і не до кінця розв'язаних міжнаціональних проблем.

Тож, тепер перед науковцями і політиками України стоїть багато завдань, які потребують вирішення, задля запобігання проблемам, пов'язаним з набуттям національними меншинами своєї територіальної чи культурної автономії. Цілком очевидним є те, що необхідно створити комплексну програму із системного вивчення особливостей національних меншин в Україні та державну доктрину на базі ідеї соціального покращення життя, яка би на сучасному етапі пріоритетними цінностями визначила покращення добробуту людини.

Бібліографічні посилання

1. **Антонюк О. В.** Концептуальні підходи до формування етнополітики в Україні. – Режим доступу: http://www.niurr.gov.ua/ru/conference/kniga_conf/antonuk.htm.
2. **Биков О. М.** Конституційно правовий статус національних меншин. – К.: ІДП ім. В. Н. Корецького НАН України, 2001.
3. **Брюбейкер Р.** Переобрамлений націоналізм. Статус нації та національне питання в Європі / Пер. з англ. О. Рябов. — Львів: Кальварія, 2006.
4. **Дарендорф Р.** Современный социальный конфликт // Иностранная литература. – 1993. – № 4. – С. 112–115.
5. Етнополітологія в Україні. Становлення. Що далі?: Зб. – К.: ІПіЕНД, 2002.
6. Закон України від 25.06.1992 року «Про національні меншини в Україні». – Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua>.
7. Конституція України: Офіційний текст, прийнятий на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року. – К.: Юрінком, 1996.
8. **Рибкало В.** Етнопонаціональні процеси в сучасній Україні / В. Рибкало, М. Обушний, О. Майборода. – К., 1996.

Надійшла до редколегії 22.12.09

УДК 141.2

С. Г. Карпова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА ЕДИНЫХ ОСНОВАНИЙ В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ Ж. ДЕЛЕЗА И М. ФУКО

Досліджено особливості формування та взаємного впливу філософських концепцій Ж. Дельоза та М. Фуко.

Ключові слова: складка, висловлювання, дискурс, видимість.

Исследованы особенности формирования и взаимного влияния философских концепций Ж. Делеза и М. Фуко.

Ключевые слова: складка, высказывание, дискурс, видимость.

The features in the formation and mutual influence of philosophical concepts G. Deleuze and Foucault.

Keywords: fold, saying, discourse, visibility.

Исследуя в своей работе влияние теорий таких французских философов, как Деррида, Делез и Фуко на интеллектуальную жизнь США, а точнее – на преобразование этой жизни, Франсуа Кассет отмечал следующую особенность. В то время как в США такие философы, как Фуко, Деррида, Делез и «компания» (имеются в виду другие представители французского постструктурализма) были «зарегистрированы» как в определенном роде единый бренд, «торговая марка» французской философии, в свою очередь во Франции эти философы остались и рассматривались как разрозненные группы мыслителей. Кассет отмечает, что французские теории этих мыслителей не настолько «развиты» во Франции, как в США, что объясняется, в основном, наличием подходящего «рынка» для продвижения и реализации продукции такого рода [9]. Однако мы считаем, что это грубое заблуждение. Данная проблематика актуальна не только в одной, отдельно взятой стране, но вообще в мире (точнее, в современной «философии-в-мире»). Действительно, в настоящее время в США существуют более благоприятные условия для продвижения разного рода постструктуралистских концепций, тем более что во многих аспектах, например, власти, био-власти и сексуальности и пр., существует определенный спрос на такого рода продукт. Однако это не значит, что во Франции (как в XX веке, так и сейчас) активно не используются и остаются невостребованными концепции постструктуралистских философов. Наоборот, можно отметить существование активного интереса к этим концепциям во Франции, их взаимовлияние и определенного рода преемственность (как в случае с Фуко, Деррида, Делезом и пр.), а также «введение» их в философское и социальное взаимодействие (начиная от идей относительно анализа языка, знания, истории, дискурсивных практик и т. д. и заканчивая идеями государственного устройства, властных отношений и политики). Ряд современных французских исследователей постструктурализма и постмодернизма также отмечают ограниченность взгляда англоязычных

исследователей. Однако иногда эту ограниченность воспринимают с оттенком определенного удивления (возможно, это связано с более глубоким рассмотрением истоков, генезиса и влияния идей французскими исследователями творчества Фуко, Делеза и т.д.). Например, в недавней статье в журнале *L'Espace géographique* Жан-Марк Бессе отмечает, почти с некоторым удивлением, что «одним из наиболее важных обращений англоязычных постмодернистских писателей являются обращение к работам Мишеля Фуко, в частности, взаимосвязи между знаниями и властью» [8, с. 4].

Тем не менее существуют другие, условно назовем их более «оптимистические», исследования постструктурализма. В плане историко-философского исследования М. Фуко (в соотнесении со взглядами других постструктуралистских философов) особого внимания заслуживают исследования отечественных (в широком смысле этого слова) философов: А. А. Грицанова, В. Б. Огорокова. Например, В. Б. Огороков, исследуя топологию постнеклассического сознания, совершает своеобразный выход «по ту сторону онтологии мышления» и приходит в процессе исследования концепций Ж. Делеза и К. Апеля к не менее важной теме – к описанию релятивности движущей философии. Тут же он выделяет свойства современного сознания, проанализированные М. Фуко, которые помогли «структуралистскому выделению в истории познания археологий знания и стратегий власти» [5]. Кроме того, немаловажное значение для нашего исследования будет иметь «развернутая» при сравнительном анализе концепций Апеля, Фуко и Делеза идея Огорокова о том, что при исследовании нелинейного мышления наиболее «продвинутыми» являются деконструктивные и коммуникативные теории, в связи с чем необходимым становится анализ «складки» в концепции Фуко и Делеза (у В. Б. Огорокова по своему «идеологическому единству», в определенных моментах эти философы «обозначиваются» как единое-двухсоставное целое «Фуко-Делез»). В этом месте при рассмотрении «складки» важен следующий момент: «Складка Фуко-Делеза появляется как попытка топологически укротить внешнее бесконечное пространство смыслов во внутреннем пространстве мышления человека. Прошлое в виде истории и будущее в виде проекта коммутирует с настоящим в замкнутом пространстве складки и нарушает евклидовость интенционального пространства. В то же время ни Делез, ни Фуко, работая с поверхностным применением сил и отстраняясь от субъекта, не замечают, что такая коммутация не происходит в обыденном пространстве мышления, и только в сознании экзистирующей личности могут возникать такие сильные нелинейные топологические искривления, которые приводят к нарушению привычной интенциональности и привычного традиционного смысла, только в сильном поле мышления открываются новые связи. Подняться до нелинейности может только сознание сильного экзистенциального мыслителя, способного совершить внутренний надлом традиционного поля мышления, словом, сознание, которое может выйти за свои пределы и открыть топологию» [5]. В связи с этим, а также совершив сравнительный анализ концепций Фуко-Делеза, Апеля с концепциями Гуссерля, Хайдеггера и других философов XX в., он приходит к выводу о том, что современное мышление по своей сути нелинейно, и эта нелинейность мышления «одержала победу» в битве за новое «измерение мышления», длящейся на протяжении XX века. Таким

образом, и проблема сознания имеет несколько иную направленность: «сознание приобретает «дискурс» и в зависимости от области нахождения дискурса или его онтологической самости попадает в то или иное измерение бытия, которое может кардинально изменить и значимость, и направленность самого сознания. Соизмеримость или несоизмеримость дискурсов становится «ахиллесовой пятой» всей современной философии. Только на пути преодоления различия дискурсов и введения их в единое, теперь уже нелинейное топологическое пространство современного сознания, можно создать философскую теорию, устраняющую, хотя бы частично, расхожимости и неопределенности современного мышления» [5].

А. А. Грицанов же в своей концепции значительное место уделяет исследованию основных аспектов творчества Жюль Делеза и в связи с этим рассматривает идеи, близкие и Фуко. Это менее обширное историко-философское исследование, по сравнению с комплексным анализом, проведенным В. Б. О कोरोковым, тем не менее имеет определенное значение для нашего исследования, так как в первую очередь позволяет посмотреть на М. Фуко «сквозь призму» Ж. Делеза. Здесь, из множества рассуждений о Делезе, мы можем обнаружить следующую особенность, которая не присутствует явно. Она заключается в том, что во многом Делез продолжает фукольдианскую традицию исследования высказывания и исторического процесса (Грицанов этот момент не озвучивает, а дает лишь характеристику проблемы высказывания в связи с историей философии). Итак, мы читаем: «Делез весьма знаково определил исторический промысел и природу философии. В книге «Кино 1» он отметил, что текст по истории философии в форме свободного отвлеченного рассуждения «представляет собой высказывание, заключенное в формулировке задачи, само зависящее от другого высказывания». В этом плане, по его убеждению, любой акт в истории философии, равно как и поведение любого мыслителя, являются «результатом хищения», «организованного пиратства», «позитивного бандитизма», что делает возможным само рождение мысли» [1, с. 29].

Итак, рассмотрим и углубим идею, которую в своих исследованиях уже отмечал В. Б. О कोरोков, по поводу идеи складки у Делеза и Фуко. Кроме того, обратим внимание на другие моменты, которые объединяют или разъединят их взгляды. Делез настаивает в своей книге о Фуко, что несмотря на то, что может показаться в фукольдианских исследованиях упор на дискурс, все же Фуко был, скорее, философом «видимости» [4]. Этот аргумент Делез пытается обосновать тем, как происходит «говорение» и «видение» «дискурсивные практики и формы самоидентичности» делятся – как «говоримое» (articulable) и «видимое». В связи с этим формы выражения и формы содержания никогда не совпадают даже в том случае, когда они вместе делают возможным особенности поведения, менталитета или набор идей, которые принадлежат к определенной исторической формации (слоев). И не только это. Делез хочет также показать, как Фуко полагает, что их взаимосвязь опирается на «не связанные отношениями» с такими формулировками как у М. Бланшо (про уникальную онтологию из складок и переносов). Исследуя «археологическое усилие» Фуко, Делез отмечает: «В первую очередь, чтобы обнаружить истинные формы выражения, которые нельзя спутать ни с каким лингвистическим исследованием, будь то означаю-

щее слова, фразы, предложения или языкового закона. Его целью являются частности означающего, где (цитируя Фуко) Делез отмечает, что «дискурс аннулируется в своей реальности, вступая в порядке означающего» [4].

Правда, Делез замечает, что проблема археологии знания есть и в других местах, дискурсу все же предоставляется первенство, но это не означает, что видимость может быть сведена к дискурсу [2]. Делез отмечает, что Фуко приходит к мнению, что его ранние книги не показывают этого примата достаточно решительно – «это его реакция на феноменологию»; несмотря на то, что остается «видимо неиспользуемым», он имеет свои собственные законы и свою собственную автономию. И тут возникает своего рода «аргумент» против феноменологии: Фуко ставит проблему о примате предмета, которым является мир видимый. Для феноменолога эта проблема разрешается не в сознании самом по себе, и не в мире в своей естественной реальности, но посредством сети отношений, которая проявляется в специфической комбинации эмпирического и трансцендентного и характерна для интенциональности.

Что же тогда означает «видимость» у М. Фуко? «Говорить» и «видеть», когда «видимость» возможна, состоят из практик (practices) или позитивностей (positivities), считает Делез. Они позволяют видеть менталитет и множество идей, которые принадлежат к определенной исторической формации (Фуко называет их страты). Вместе с тем, если рассматривать в качестве механизма «Высказывания» плохую видимость, то они представляют собой знания, понимаемые как «практическая сборка», в соответствии с тем, как сам механизм сочетает в себе дискурсивные и не-дискурсивные практики. Означает ли это, что Фуко стремится свести выводы феноменологии к конкретным историческим образованиям? Более того. Через вопросы с археологией М. Фуко «открывает» слова, фразы и предложения для получения высказывания, с одной стороны, и открывает качества вещи и предметов, чтобы получить «видимости», с другой стороны. Высказывания становятся прочитаемыми в зависимости от условий, которые делают их; по аналогии с тем, говорит Делез, как плохая видимость проивопоставлена видимому.

Это предполагает перемещение предмета в археологии Фуко. Предмет, согласно делезовским комментариям, это просто переменная «или, скорее, набор переменных высказывания» – это функция, которая вытекает из высказывания, и его автором является лишь положение по отношению к этому высказыванию.

Важным, как мы уже пытались разъяснить ранее, является то, говорит ли сам «язык» или это «я говорю», мы говорим «есть язык» или же о «бытие языка», – это большое различие, которое варьируется в каждом историческом образовании. В классической эпохе бытие языка ограничивается режимом представления. В XIX веке он начинает избегать этих ограничений, теряет свою объединяющую функцию и заново открывается в его в новом смысле – в литературе. Отныне литература представляет определенный язык, и снаружи (как своего исторического бытия) не может быть отделена от внутреннего сознания. Примерно то же можно сказать и о «видимом».

Затем вместе с понятием «видимость» М. Фуко создает функцию, которая «удваивает», то есть формирует высказывание. Важно не просто увидеть, а «присутствовать» в том, что было доставлено к нам путем интуиции. Делез, как

мы видели, хочет подчеркнуть важность «видимости» для Фуко, но он также значительное внимание уделял фукольдиданской теории дискурса.

В целом можно выделить ряд сходных и различных черт в философских системах Фуко и Делеза. По сути, как Делез (совместно с Гваттари), так и Фуко отметили единую особенность современного им общества, совершили специфический анализ и предложили «варианты выхода» из проблемных моментов. Это стало возможным во многом и благодаря тому, что в определенном смысле они посмотрели на современность под одним углом, а именно – посредством рассмотрения социума XX века через призму господства [3]. То есть, исследуя распространение во всех аспектах социального бытия нормализации дискурсов и институтов, они (благодаря этому) отметили беспрецедентный исторический этап господства. Но в то же время, несмотря на кажущееся сходство взглядов, мы можем констатировать и некоторые значительные отличия философских построений М. Фуко и Делеза (совместно с Гваттари). Они заключаются в следующем: если Фуко, в основном, совершает тотальную критику современности, то Делез пытается позитивно осмыслить и теоретизировать капиталистическое общество. В отличие от Фуко, Делез и Гваттари более в своем анализе полагаются на традиционные марксистские категории (это особенно заметно в большей критике ими капиталистического общества, чем знания и рациональности). Однако в моменте марксистской философии есть то, что, несомненно, их объединяет в методологическом плане, а именно – эти три философа, используя марксистскую и диалектическую методологию, отрицают ее использование и возможность полноценного существования в постструктуралистской методологии. Возможно, это происходит потому, что они на первый план ставят исследование микроструктур господства (а Делез и Гваттари, кроме всего, еще и концентрируются на важности макроструктуры и разрабатывают подробную критику государства). Еще один важный момент: если Делез и Гваттари сосредотачивают свое внимание на «колонизации желания» различными современными дискурсами и институтами, то М. Фуко исследует в рамках режима власти/знания ориентации тела и дисциплинарные технологии современности. В этом просматривается еще одно важное отличие их концепций, даже несмотря на то, что в генеалогии «позднего Фуко» проблема «желания» занимает значительное место. Однако в концепции Делеза «желание» приобретает более «глобальное» значение, так как он строит «сущностную» концепцию желания и говорит о «репрессиях» желания, в то время как Фуко в своей концепции отвергает репрессивную гипотезу и подчеркивает производительный характер власти. Тем не менее существует еще один момент, который «объединяет» эти философские концепции – это попытка децентрализовать буржуазного, «гуманистического» субъекта (Делез и Гваттари – путем уничтожения Эго и Супер-Эго в пользу динамического бессознательного, а Фуко – посредством археологии и генеалогии, уменьшая влиянием дискурса и дисциплинарной практики). Кроме того, все эти три философа (Делез и Гваттари – раньше, М. Фуко – позже) отвергают модернистское понятие единого рационального субъекта и вообще (в определенном смысле) возможность появления «нового» децентрализованного субъекта, свободного от того, что они считают «террором», «насилием»; сво-

бодного настолько, что он будет иметь возможность в современном государстве преобразовывать новые виды субъективности и телесности.

Кроме того, значимость, единство и взаимовлияние взглядов Ж. Делеза и М. Фуко можно наблюдать и непосредственно в их произведениях. Так, Делез в своей работе «Фуко» характеризует его как принципиально нового мыслителя, исследования которого представляют собой решающий шаг в еще не исследованной теоретико-практической области. В свою очередь, М. Фуко отмечает, что работы Делеза и Гваттари оказали значительное влияние на его теорию власти, и свои «положительные оценки» излагает во введении к «Анти-Эдипу». А также в работе «Theatrum Philosophicum» [7] Фуко отмечает делезовский вклад в критику западных философских категорий и его обширные знания исторических событий, и, кроме того, замечает, что когда-то XX век будет известен как век Делеза. С нашей точки зрения, в работе «Интеллектуалы и власть» [6] взгляды Фуко и Делеза вообще взаимопересекаются и создают единое целое в построении общего теоретического проекта. Кроме того, определенные точки пересечения мы можем обнаружить и при рассмотрении делезовской и фукольдиданской философии с точки зрения гендерной проблематики. Это становится возможным благодаря рассмотрению бинарных оппозиций. Жиль Делез отрицает наличие бинарных оппозиций в традиционном обществе между мужчинами и женщинами, позволяя идее идентичности и индивидуальности «распространиться» на идею «желания», таким образом, делая определенный вклад в развитие феминизма. В этом плане Фуко, даже несмотря на то, что приходится признать противоположную ему мысль об идентичности, все же признает эту идею.

Библиографические ссылки

1. Грицанов А. А. Жиль Делез / А. А. Грицанов. – Мн.: Книжный Дом, 2008. – 320 с.
2. Делез Ж. Логика смысла // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. Theatrum philosophicum. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
3. Делез Ж. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодернизма. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 6–32.
4. Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. – М.: Изд-во «Гуманитарная литература», 1998. – 171 с.
5. О कोरोков В. Б. Метафизика эпохи трансцендентального мышления: специфика, сущность и тенденции развития): монография / В. Б. О कोरोков. – Д.: Изд-во Днепрпетр. ун-та, 2000. – Режим доступа: <http://amkob113.narod.ru/okvit/okv-96.html>.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
7. Фуко М. Theatrum philosophicum // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. Theatrum philosophicum. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 441–473.
8. Jean-Marc Besse. 'Le postmodernisme et la géographie: éléments pour un débat' in L'Espace Géographique, 1, pp. 1–5, 2004.
9. François Cusset. French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States, Jeff Fort (tr.), University of Minnesota Press, 2008. – 388 p.

Надійшла до редколегії 07.12.2009

УДК 165.741